

УДК 94(100)

Горбунов Павел Андреевич

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА РЫЦАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье подробно освещается актуальность проблемы изучения рыцарства. Особое внимание уделяется рассмотрению вопросов с позиций новых теоретико-методологических подходов, в частности, исторической антропологии.

Ключевые слова: рыцарство, историческая антропология, рыцарская этика, генезис, функциональность доспеха.

Gorbunov Pavel A.

ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING THE PHENOMENON OF CHIVALRY AT THE PRESENT STAGE

This article details the problems of studying the relevance of chivalry. Particular attention is paid to the issues from the viewpoint of new theoretical and methodological approaches, in particular historical anthropology.

Key words: chivalry, historical anthropology, knightly ethics, genesis, the functionality of the armor.

В современном обществе отчасти сложилось мнение о бесперспективности и неактуальности исследования такой темы как рыцарство. Но, несмотря на высокую степень изученности сюжетов, связанных с историей рыцарства, о чем свидетельствует обширнейшая историография [1], охватывающая многие стороны этого явления, всё же можно выделить аспекты, остающиеся раскрытыми не полностью. По словам современного исследователя С. И. Лучицкой, и сегодня многие понятия – честь, благородство, великодушие, чувство собственного достоинства, верность долгу и самопожертвование, презрение к материальным ценностям, бескорыстность и даже праздность – прочно связаны в нашем сознании с рыцарскими ценностями и представлениями о рыцарском образе жизни [2, с. 8].

В настоящее время темы рыцарства изучаются с позиций новых теоретико-методологических подходов исторической антропологии – истории ментальности и истории повседневности, особенно, в аспекте рекреационных форм поведения, а также способов эмоциональных проявлений и поведенческих установок [3]. Начиная с трудов выдающегося представителя «Школы Анналов» Марка Блока [4], в русле исторической антропологии большой интерес представляют исследования по истории французской знати и рыцарства Ю. Л. Бессмертного [5]. По словам современного отечественного исследователя Ю. П. Малинина, «...историческое развитие лишь группируется вокруг психологии, сообщается и взаимодействует через нее» [6, с. 5]. Новые подходы ставят задачу переосмысления таких вопросов, как происхождение рыцарства, его иерархия, система символов и ритуалов рыцарской культуры.

Средневековое рыцарство, было одним из наиболее ярких и самобытных явлений в цивилизации запада. Оно никогда не смогло бы подняться выше уровня простого военного сословия, если бы не создало уникальной культуры со сводом особых морально-этических предписаний, которые соперничали с христианской моралью, и в известной мере противостоя ей, были проникнуты духом сословной гордыни. Рыцарство не являлось бы жизненным идеалом в течение многих столетий, если бы оно не было ценно для общества и необходимо ему в социальном, этическом и эстетическом смысле [7, с. 182]. По утверждению Ю. П. Малинина, рыцарская этика, играла важную общесоциальную роль, ее авторитет и влияние распространялись далеко за пределами высшего сословия. Особенно это касается истории XIV–XV вв., когда военная роль рыцарства клонилась к упадку [8, с. 195]. Уникальность рыцарства как исторического явления отмечалась другими исследователями. Как говорит П. Ю. Уваров, рыцарство «является тем немногим из средневекового наследия, о чем продолжает сохраняться добрая память в массовом историческом сознании. Кроме того, рыцарство присутствует в нашей жизни в виде метафор, эпитетов, ценностных суждений. Разговоры о рыцарстве ведутся давно, и, видимо, будут вестись всегда – слишком тесно его существование связано с важнейшими культурными нормами» [9, с. 5].

При попытке дать четкие дефиниции феномену «рыцарство», мы сталкиваемся с проблемой неоднозначности и сложности этого понятия. Если ещё в VIII–IX вв. рыцарем (miles) в Западной Европе называли лишь тяжеловооруженного всадника, то уже с конца XI в. начались процессы слияния рыцарства со знатью, его социально и идеологического возвышения, в котором немалую роль сыграла церковь. В XIII в. с рыцарством связывали уже комплекс представлений о рыцарских чести, долге и образе

жизни. Почти каждая последующая эпоха пожинала богатые плоды средневековой рыцарской культуры и так или иначе вносила свои нюансы в понимание феномена рыцарства, и теперь нам трудно отделить те черты, которые мы привносим в это понятие, от реального комплекса идей, нравов и институтов, действительно существовавших в эпоху западноевропейского средневековья [2, с. 7–8].

Проблема происхождения рыцарства остается открытой. Так называемая «исходная точка» вызывает значительные затруднения. Большая часть историков еще совсем недавно возводили возникновение профессионального рыцарства к IX веку, в первую очередь, связывая его с распространением такого новшества техники как – стремя [10, с. 38]. Данная точка зрения сейчас подвергается многочисленной критике [11, с. 17–18]. У историков уже нет такой уверенности, что именно этот переворот так быстро, как казалось ранее, привел к появлению новой военной тактики и новых приемов, в частности, к атаке с копьем наперевес. Такой метод боя, использующий быстрое движение «связки» человек – лошадь как живой таран, стал всеобщим позднее, в «классическую» эпоху рыцарства. Несомненно, всё это способствовало укреплению солидарности внутри данной воинской группы [12]. Таким образом, проблема происхождения рыцарства связана процессами, происходившими в результате долгого пути трансформации от вооруженного всадника (*milites*) раннего средневековья до рыцаря как элитарного воина и дворянина в XII–XIII вв.

Актуальной проблемой считается *генезис и ранние формы рыцарских турниров*. Ранние рыцарские турниры XII–XIII веков существенно отличались от привычного для нас образа. Основной формой турнирных схваток в то время были групповые бои «меле» (*mêlée*), а рыцарские поединки на копьях между двумя участниками, известные как «джостра» (*joute*), в то время носили произвольный характер и были ещё редкостью. На раннем этапе рыцарские турниры были очень опасны для участников, почти ничем не отличаясь от настоящего сражения. Они представляли грубые и кровавые стычки довольно часто – со смертельным исходом. Турниры ещё не имели чёткой организации и были не столь торжественными и зрелищными, как в более позднее время. Они подчинялись весьма вольным правилам, а вооружение участников не отличалось от боевого оружия [13, с. 10–11]. Приведенные данные полностью противоречат сложившемуся образу большого средневекового турнира с его рыцарями в сияющей броне, разноцветными аренами и шатрами, толпами герольдов, менестрелей и прекрасных дам.

Мировая научная литература, посвященная рыцарству, очень разнообразна и многочисленна. Но даже при таком разнообразии его история в XIV веке, по сравнению с предшествующим и последующим периодами, исследована достаточно слабо. Это позволяет выделить «проблему «рыцарства XIV века» [14]. Чаще всего XIV век входит в сферу изучения историков вместе с XV в. и рассматривается как единый период, который ещё часто называют упадком рыцарства. Рыцарская культура «осени средневековья» тоже часто трактуется как род игры, оторванной от действительности и потерявшей ценность [7, с. 182].

Упадок рыцарства в XIV в. пытаются продемонстрировать, иллюстрируя многочисленные примеры алчности и беспринципности рыцарей, показывают их грабительские рейды и насилия. Но такие обвинения предъявлялись рыцарству и гораздо более ранних периодов. Между тем, именно эта «рыцарская эпоха» оставила множество легендарных имен, таких как: Эдуард «Черный Принц», Жоффруа де Шарни, Карл де Блуа, Бертран дю Геклен, Жан де Бусико, Джон Чандос, Джон Гонт герцог Ланкастер [15]. Исходя из вышесказанного, возникает вопрос, а был ли XIV в. временем упадка рыцарства? Эти примеры требуют дальнейших детальных исследований.

Одной из самых актуальных на современном этапе считается *проблема функциональности рыцарского доспеха*. Эта тема, как никакая другая, наполнена многочисленными стереотипами, зачастую ошибочными. Самым распространенным является устоявшийся штамп о неудобстве и тяжести рыцарского доспеха. В литературе широко распространено мнение, что европейское рыцарское вооружение было излишне тяжелым и сковывающим подвижность. В произведениях романистов всадники не то чтобы сесть на коня или ходить, они и с земли подниматься сами не могли. «На самом деле ... вообще военное дело не терпит неудобств в снаряжении» [16, с. 39].

В историческом процессе рыцарский доспех претерпевал значительные изменения. К сожалению, подлинные западноевропейские доспехи XI–XII вв. до нас практически не дошли, и говорить о них приходится по изображениям на памятниках искусства. Судя по ним, а также по дошедшим образцам, подавляющее большинство рыцарей было защищено кольчугой. Позднее, под влиянием различных условий происходило усиление защитного доспеха. В течение XIV века, в Европе получает распространение доспех типа «бригандины» – панцирь, со скрепленными изнутри на мягкой тканой основе железными пластинами; полный латный доспех появился только к XV в. Итак, в массовом представлении, образ рыцаря – это воин в полном латном доспехе, но в действительности

сти, такие доспехи относятся уже к времени заката рыцарства. Дело в том, что только вооружение XV–XVII вв. более или менее хорошо представлено в музейных экспозициях и каталогах, что позволяет исследователям и широкой публике получить о нем достаточно ясное представление [17].

Именно над таким доспехом посмеивались позднейшие авторы исторических исследований и романов, проецируя его и на столетия раньше. Но в противоречие этому стереотипу выяснилось, что доспех такого типа отличался великолепными боевыми качествами, был прочен и удобен. Вес такого доспеха составлял около 20–30 кг. Но весь этот вес распределялся равномерно по всему телу. Все подвижные части доспеха набивались из узких пластин, приклепанных к ремням, так что доспех не сковывал движений. Тренированный человек спокойно двигался, ходил, ездил верхом, сам влезал в седло и поднимается [16, с. 39–40].

Убежденность в тяжести и неповоротливости рыцарского доспеха возникла следующим образом: рыцарские турниры ко второй половине XV в. все больше превращались в спорт, и потребности в безопасности участников предопределили появление специальных турнирных доспехов. От них не требовалось удобства и свободы движения, важна была только прочность и минимум подвижных частей. Для этого увеличивалась толщина кирасы и передних пластин всего доспеха, приводя к значительному возрастанию веса. Ни повернуться, ни дышать в таком доспехе было невозможно, поэтому рыцарь выдерживал только несколько минут турнирного боя или поединка. Образец такого турнирного доспеха проецировался на защитные средства рыцарей разных эпох, сформировав вышеописанный стереотип.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на кажущуюся изученность такой темы как рыцарство, вышеозначенные проблемы требуют дальнейших детальных исследований и ждут своего часа.

Литература

1. Gautier L. La chevalerie. Paris 1884; Gustave Cohen. Histoire de la chevalerie en France Au Moen Age. Paris, 1949; Philippe Du Puy de Clinchamps. La chevalerie. Paris, 1961; Richard W. Barber. The Knight and Chivalry. London, 1970; Maurice Keen. Chivalry (Yale Universty Press, 1984); Cardini F. Alle radici della cavalleria medievale, Firenze, La Nuova Italia, Ristampato, 1987; Gasparri S. I “milites” cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992; Flori J. La chevalerie. Paris, 1998; Flori J. Chevaliers et chevalerie au Moyen Age. Paris, 1998; Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999; Иванов К. А. Средневековой замок и его обитатели. СПб. 1894; Малинин Ю.П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV – XV вв.) // Средние века. Вып. 55. М., 1992; Бессмертный Ю. Л Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI века. М, 1995 и др.
2. Лучицкая С. И. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского средневековья // Одиссей. М., 2004.
3. Бессмертный Ю. Л Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI века. М., 1995; Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М. 2002.
4. Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998; Блок М. Феодальное общество. М., 2003.
5. Бессмертный Ю. Л. Некоторые проблемы истории дворянства в Северной Франции конца XII – начала XIV вв. // Французский Ежегодник., 1966. М., 1967.; Бессмертный Ю. Л. Крестьянин глазами рыцаря (по материалам Франции XI–XIII вв.) // Культура и общественная мысль. М., 1988.
6. Малинин Ю. П. Общественно-политическая мысль средневековой Франции XIV–XV века. СПб. 2000.
7. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. СПб., 2011.
8. Малинин Ю. П. Рыцарская этика в позднесредневековой Франции (XIV – XV вв.) // Средние века. Вып. 55. М., 1992.
9. Уваров П. Ю. Вступительное слово // Одиссей. М., 2004.
10. White Jr. L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1962.
11. Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.
12. Contamine Ph. La guerre au Moyen Age. Paris, 1980.
13. Носов К.С. Рыцарские турниры. СПб., 2004.
14. Щепкин Е. Рыцарство // Книга для чтения по истории средних веков / под ред. П. Г.Виноградова. М., 1903. С. 322–408.
15. Бессмертный Ю. Л. Политические традиции средневекового рыцарства в свете исторической антропологии // Политическая история на пороге XXI в. М., 1995.; Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я. Идеология, культура и социально-культурные представления средневековья в современной западной медиевистике // Идеология феодального общества в Западной Европе. М., 1980.
16. Горелик М. В. О Бальмунге, Дюрендале и их хозяевах (о рыцарях) // Вокруг света. 1975. № 8.
17. Жуков К. А., Коровкин Д. С. Западноевропейский доспех раннего ренессанса. СПб., 2005.